

А. ЕВГЕНЬЕВ <А. Е. КАУФМАН>

Футуристская Гекуба и пролетариат

«Сотую — верю! — встретим годовщину!»

Этими словами заканчивается только что вышедший сборник, озаглавленный «Все сочиненное Владимиром Маяковским (1909—1919)».

Итак, один из наиболее нашумевших футуристов и, скажем, более интересный из них, верит, что молодым людям, разгуливавшим недавно в полосатых кофтах с выкрашенными лицами и с огурцами и ложками в петлицах, улыбается долгое будущее, Мафусаилов век. Многие лета им! Велики заслуги футуристов пред родиной и словесностью: об этом говорит Маяковский в кратком предисловии ко «всему сочиненному им».

«Нами, футуристами, много открыто словесных Америк, ныне трудолюбиво колонизируемых всеми даже благородно шарашающимися от нас писателями. Скоро сделанное нами станет не творимой, а разучиваемой азбукой».

Но несть пророков в своем отечестве... Открывателям словесных Америк едва ли предстоит такая заманчивая перспектива.

Поле русской литературы и искусства никогда не было свободно от чертополоха и всяких сорных трав. В последнее время оно особенно заросло ими. Все эти футуристы, эгофутуристы, «будетляне-баячи» — то же имажинисты и как их еще называют — все это одного и того же поля ядовитые ягоды. Они порою заслоняют и глушат здоровые ростки и полевые злаки.

И странное дело! Именующие себя эгофутуристами и имажинистами выступали раньше с проповедью крайнего индивидуализма и эгоизма. Они проповедовали устами одного из них: «возглавление Эгоизма, единица — эгоизм» и т. д. Отсюда их самовлюбленность и саморекламирование.

В. Каменский в своей книге «Эго — моя биография великого футуриста» — величает себя гением, «единственным Василием Каменским», «крыловейным мудрецом» и т. д. и т. д.

И вдруг, «не износив еще башмаков», крыловейные индивидуалисты объявили себя в послеоктябрьские дни подлинными «коллективистами», глашатаями пролетарской революции, новой пролетарской литературы и искусства.

Что, спрашивается, футуристам пролетарская Гекуба и что они ей? Что общего между футуристскими выкрутасами и коленами и имажинистскими кривляниями на подмостках их недавно основанного московского кафешантана, рассчитанными на потрафление испорченным вкусам буржуазных вырожденцев и любителей экстравагантных зрелищ, и подлинно крестьянско-рабочей массой с ее запросами, психологией и вкусами? Решительно ничего!

Попробуйте прочитать крестьянину с сохи произведения Крученых, Маяковского и Каменского, вроде знаменитого «Дырбул-щыл-Убейшур» или «Гуоли, гуоли, глик — Зовно тает скитальческий крик» и т. д., — и слушатель примет вас за выходца из «Палаты № 6». В лучшем случае он недоумевающе взглянет на вас, как недоумевали питерские рабочие в первую годовщину октябрьской революции, когда столичные улицы были испакощены футуристскими плакатами, изображавшими уродливые, перекошенные тела и зеленые физиономии геометрических людей с вывихнутыми ногами в сочетании с какими-то военными доспехами и предметами кухонного и домашнего обихода.

Такого рода пролетарское искусство вполне гармонировало с созданными футуристами специфически «заумными» словечками и стилем, долженствующими заменить дивный язык Пушкина, которого они выбросили за борт или, по чьему-то выражению, «сбросили с парохода современности», поелику он не воспевал «дохлой луны», «ослиного хвоста», «помоек» и т.<ому> п<одобных> поэтических сюжетов.

И что стало бы с русской литературой, если бы футуристам, которые одно время пользовались некоторым влиятельным покровительством, удалось «выкинуть с парохода современности» старую русскую литературу и водворить на ее месте свою «заумную» словесность.

Но бодливой корове Бог рог не дает. Футуристская диктатура и засилие в области литературы потерпело фиаско. В живописи творцы уродливой пачкотни с нелепыми сентенциями окончательно скомпрометировали себя. Народ их не понял, не оценил и не принял. Футуризм в искусстве отцвел в утре пасмурных

дней. Недавние покровители, настезь открывшие пред ними двери, поспешили захлопнуть их пред самыми носами мнимых провозвестников нового пролетарского искусства.

Часто приходится слышать жалобы на «примазавшихся» к власти сомнительных единомышленников. Такими «примазавшимися», наряду с выходцами из полицейских участков, оказались и футуристы. Им недвусмысленно дали понять, что они не подходят для амплуа творцов нового пролетарского искусства и литературы...

И футуристам, мечтавшим вместе с Маяковским о своем футуристском долголетии, приходится ступешеваться и искать для своих прогулок подальше закоулок.

Явившиеся на смену футуристам имажинисты, чувствуя, что и у них почва заколеблется под ногами, стали отмежевываться от своих духовных братьев. В своем московском кафе «Домино» они торжественно похоронили футуризм, соорудив для него надгробную плиту с крестом, где красуются имена Маяковского и др.

Но судьба неумолимо пропоет вечную память и цепляющимся за жизнь имажинистам.

Творцам настоящей новой литературы для народа не по пути с творцами всяких клоунад и кунштюков...

